

**ХАНОЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Буй Тху Ха

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВИДА РУССКОГО
ГЛАГОЛА
И ИХ ПЕРЕДАЧА ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ
ДУШИ»)**

Специальность 9220202.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ханой – 2025

Работа выполнена на факультете постградуального обучения в институте иностранных языков при Ханойском государственном университете.

Научные руководители: кандидат филологических наук, доцент Ву Тхи Тьин
кандидат филологических наук Хуонг Тхи Тху Чанг

Официальные оппоненты:

Оппонент 1:

.....

Оппонент 2:

.....

Оппонент 3:

.....

Защита состоится «» ... 202.. года в ... часов на заседании Диссертационного совета при Ханойском государственном университете.

С диссертацией можно ознакомиться
в Государственной библиотеке Вьетнама
в Библиотечно-информационном центре Ханойского государственного
университета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Общепризнанно, что вид представляет собой важнейшую и сложнейшую морфологическую категорию русского глагола, которая – несмотря на длительную традицию ее изучения – все еще не получила в современной русистике исчерпывающего описания.

Одним из дискуссионных остается вопрос, связанный с выявлением частных видовых значений (далее – ЧВЗ), которые возникают в результате взаимодействия видовых форм и определенных типов контекста. Типологии ЧВЗ, предположенные разными авторами, существенно отличаются не только по набору таких значений, но и по их содержательной интерпретации: редко обнаруживается абсолютное совпадение точек зрения – при том что во многих случаях наблюдается абсолютное расхождение. Ситуацию осложняет также тот факт, что однотипные употребления зачастую получают различную терминологическую квалификацию, и, наоборот, один и тот же термин у разных авторов наполняется разным содержанием. Единодушное решение проблемы выявления частных видовых значений до сих пор отсутствует.

Сложность описания видовой семантики усугубляется еще одним обстоятельством: вид, как известно, тесно взаимодействует с грамматической категорией времени. Ярким доказательством тесной взаимосвязи этих двух грамматических категорий является наличие в системе глагольных форм русского языка особой видо-временной формы, которая представляет собой еще один камень преткновения для аспектологов. Отсутствие единообразия в трактовке видо-временных форм русского глагола приводит к существованию разных подходов к характеристике семантики этих форм в русском языке.

На современном этапе лингвистических исследований наряду с уровневым активно развивается функциональный подход к описанию языковых явлений. Проблема интерпретации видовых и видо-временных форм в тексте является актуальной, поскольку «выход за рамки отдельного предложения и изучение глагольных форм в масштабе связного текста приводит к расширению знаний о самих видовых и видо-временных формах глагола и позволяет выделить функции, которые реализуются только в тексте» (см. Шендельс).

В последние десятилетия область типологии вида – изучение различных аспектуальных значений и способов их выражения в разных языках мира – развивается особенно активно. Остается, однако, почти нерассмотренной проблема передачи тончайших оттенков русских видовых значений на вьетнамский язык как язык иной типологической разновидности, чем русский.

Таким образом, **актуальность** предпринятого исследования обусловлена следующими факторами:

- 1) необходимостью поиска нового подхода к выявлению особенностей аспектуальной семантики русского глагола, формирующейся в тесной взаимосвязи с грамматической категорией темпоральности;

2) потребностью осмысления видовых значений русского глагола в связи с проблемами интерпретации видовых и видо-временных форм на уровне целого художественного текста, с задачей выявления художественного потенциала видовых и видо-временных форм;

3) установкой на выявление способов достижения эквивалентности передачи частных видовых значений русского глагола на вьетнамский язык, на осмысление причин «семантических достижений и утрат», имеющих место в переводе;

4) перспективностью сопоставительного изучения средств выражения аспектуальной семантики в типологически разных языках, позволяющего воспользоваться «оптикой» одного языка для более глубокого понимания грамматической системы другого.

Научная новизна диссертации заключается в следующем.

Впервые осуществлено систематическое сопоставление различных классификаций частных видовых и видо-временных значений русского глагола, выявлены и типизированы зоны сходства и различия в имеющихся интерпретациях, осмыслены возможности использования предложенных подходов для решения задач типологического характера.

Разработан ономаσιологический подход к описанию видовой семантики глагольной словоформы, позволяющий преодолеть терминологический разнобой и предложить такую систему репрезентации частных видовых значений, с помощью которой обеспечивается точность и полнота сопоставительного анализа разных грамматических систем.

Предпринята попытка установить общие принципы употребления видовых и видо-временных форм в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и тем самым уточнить представления о специфике авторской манеры повествования.

Выявлен и детально охарактеризован репертуар лексических и грамматических средств вьетнамского языка, использование которых помогает его носителям интерпретировать, переводить и продуцировать правильные видовые формы русского глагола.

Выявлены определённые закономерности в использовании языковых средств для передачи частных видовых значений русского глагола при переводе конкретного художественного произведения на вьетнамский язык, а также проанализированы «достижения и утраты» переводчика.

Объект исследования – категориальная аспектуальная семантика глагольных форм и их художественный потенциал.

Предмет исследования – функционирование глагольных форм НСВ и СВ в художественном тексте в сравнительной перспективе.

Материалом исследования является оригинал и перевод поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Чтобы оценить степень реализации полных парадигм частных видовых значений в конкретном тексте и охарактеризовать художественный потенциал различных видовых форм, из первой главы поэмы методом сплошной выборки отобраны 299 контекстов. Чтобы проверить, существуют ли какие-либо

тенденции, определяющие зависимость репрезентации определенных видовых значений от композиционно-речевого типа повествования, осуществлена выборка глагольных форм из лирических отступлений, диалогов, вставных эпизодов и описаний (1334 единицы соответственно) и их вьетнамские аналоги.

Цель диссертационной работы осуществить сопоставительный анализ аспектуальных категорий русского и вьетнамского языков, ориентированный на выявление их семантических, прагматических, функциональных особенностей, оценить возможности передачи семантики русского вида в языке иной типологической разновидности.

Указанная цель обусловила постановку и решение следующих исследовательских **задач**:

1) охарактеризовать основные аспектологические концепции, сложившиеся в современной лингвистической науке, и разработать подход к описанию частных видовых и видо-временных значений, адекватный задачам сопоставительного анализа;

2) охарактеризовать особенности функционирования глаголов СВ и НСВ в оригинальном тексте поэмы «Мертвые души» с учетом разнообразия композиционно-речевых форм, представленных в произведении;

3) выявить наличие / отсутствие тенденций, определяющих использование глагольных форм с теми или иными аспектуальными характеристиками в различных коммуникативно-речевых типах повествования;

4) выявить основной репертуар средств, обеспечивающих возможность трансляции видовой семантики русского глагола;

5) оценить степень адекватности перевода поэмы «Мертвые души» оригиналу, выявить закономерности использования лексических и грамматических средств вьетнамского языка для передачи видовых и видо-временных значений, осмыслить те находки и потери, которые сопровождают перевод.

Для решения поставленных задач используются следующие **методы и методики** исследования: метод комплексного лингвистического описания, включающий приемы обобщения, сравнения, интерпретации и классификации материала; метод лингвистического эксперимента, предполагающий выявление характера осознаваемости грамматической категории вида вьетнамского глагола и степени обязательности временных показателей; элементы сопоставительного, контекстуального, культурологического анализа.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что диссертации заключается в том, что проведённое исследование вносит вклад в развитие представлений о категории вида в русском языке, степени грамматичности аспектуальных значений во вьетнамском языке, а также в расширение знаний о возможностях передачи семантики русского глагольного вида средствами вьетнамского языка.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что полученные в ходе исследования данные могут быть использованы при разработке теоретических

курсов по морфологии, семантике современного русского языка, а также в рамках общего языкознания. Принципы анализа и выводы, представленные в работе, могут быть полезны в школьной и вузовской практике при изучении категории глагольного вида, а также при знакомстве с языковыми и стилистическими особенностями произведений русской классической литературы, в частности – языка Н. В. Гоголя. Методика проведения экспериментального исследования, направленного на выявление степени осознаваемости грамматической категории вида во вьетнамском языке и обязательности её выражения, может быть применена и в изучении других грамматических категорий, особенно в рамках когнитивной лингвистики. Полученные результаты находят применение в преподавании русского языка как иностранного, в том числе во вьетнамских школах и вузах, а также при обучении вьетнамскому языку, особенно в аспекте преподавания системы глагольного вида.

Основные положения, выносимые на защиту.

1) Проблема выявления и классификации частных видовых значений, остающаяся предметом дискуссий в русской аспектологии, может быть решена с помощью ономаσιологического подхода, который способствует систематизации различных точек зрения и различий в количественной и качественной интерпретации частных видовых значений русского глагола. Использование ономаσιологического подхода представляется особенно перспективным для сопоставительных исследований, поскольку дает возможность преодолеть терминологический разнобой и представить объект сравнения максимально прозрачно: от комплекса семантических признаков к средствам их выражения в сопоставляемых языках.

2) Разработанный подход позволяет также уточнить сложные взаимоотношения категорий вида и времени. Различие терминологических характеристик, используемых по отношению к разным временным формам глагола (ср. актуальное настоящее – прошедшее несовершенного конкретного единичного действия – будущее несовершенного конкретного единичного действия), создает впечатление, что речь идет о разных частных видовых значениях. Применение ономаσιологического подхода демонстрирует, что в таких случаях набор видовых признаков {‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ временная локализованность действия’} сохраняет свое тождество – он просто «перемещается по временной шкале». Иначе говоря, мы имеем дело не с разными значениями, а с простым сдвигом временной отнесенности. Это решение, в свою очередь, является дополнительным аргументом в пользу признания видо-временной формы.

3) Анализ специфики употребления форм СВ и НСВ через призму их переводных соответствий показывает, что реализация частных видовых значений глаголов несовершенного вида в гораздо большей степени зависит от контекстуального окружения, чем в случае глаголов совершенного вида. Поэтому в оригинальном художественном тексте первые чаще используются в «сильных» контекстах, содержащих средства внешнего синтаксиса, которые выступают в роли актуализаторов аспектуальных характеристик глагольного действия; вторые – в «слабых» контекстах, не имеющих подобных элементов. Эта функциональная

особенность играет существенную роль для выбора способа трансляции видовой семантики русского глагола во вьетнамский язык.

4) Передача аспектуальных значений русского глагола во вьетнамском языке осуществляется, с одной стороны, за счёт межъязыковых соответствий, а с другой – посредством специфических лексических и грамматических маркеров, компенсирующих типологическое различие между синтетической природой русского языка и аналитическим строем вьетнамского. В условиях «сильного» контекста ключевую роль в репрезентации частных видовых значений играют элементы окружения – детерминантные, обстоятельственные и иные компоненты «внешнего» синтаксиса. В таких случаях специализированные видовые и невидовые средства выполняют функцию актуализаторов основных признаков аспектуального значения. В свою очередь, в «слабых» контекстах именно эти средства становятся главными носителями и выразителями аспектуальной характеристики.

5) В ряде случаев вьетнамский язык не располагает необходимыми средствами для адекватной передачи видовой семантики русского глагола, в результате чего остаются невыраженными семантические, прагматические, дискурсивные смыслы, порождаемые игрой автора с глагольными формами. Такие содержательные утраты возникают при переводе контекстов, включающих глаголы НСВ в наглядно-примерном значении, видо-временные формы НСВ, обозначающие настоящее историческое, а также фрагментов, в которых представлена конкуренция видов,

б) Функционирование видовых форм в гоголевской поэме «Мертвые души», с одной стороны, подчиняется общим закономерностям употребления таких форм в нарративе, с другой, отражает специфическую черту авторской манеры – установку на обобщение, – которая наиболее ярко воплощается в описаниях и лирических отступлениях. Обеспечивая выражение идеи генерализации, формы НСВ и видо-временные формы, реализующие значение постоянного отношения и атемпоральное значение, (наряду с другими языковыми средствами) конструируют особый образ мира, в котором отдельное и зачастую незначительное бытовое событие может оказаться некой универсальной константой русского бытия.

Результаты исследования **апробированы** на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Семеновские чтения» (2023 г., 2024 г.), на международной научно-исследовательской конференции аспирантов IGRS (2024 г.), на Всевьетнамской научной конференции «Преподавание иностранных языков в национальной системе образования» (январь 2025 г). Основные теоретические положения диссертации нашли свое отражение в 6 публикациях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка литературы и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность работы, ее научная новизна, практическая и теоретическая значимость, определяются цели и задачи исследования, его объект и предмет; приводятся теоретические основания, на которых строится работа; характеризуется материал и методы исследования; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Частные видовые значения в свете современных аспектологических представлений»** отражает значимые теоретические положения и представляет обзор научных работ, вносящих вклад в систему знаний о частных видовых значениях и значениях видо-временных форм; здесь рассматриваются основные подходы к интерпретации грамматической категории вида в русском языке и предпринимается попытка описать наборы семантических признаков, составляющих ядро того или иного значения. В данной главе рассматриваются также основные аспектуальные и темпоральные ресурсы вьетнамского языка, позволяющие обеспечить трансляцию частных видовых значений русского глагола в переводе, и предлагается анализ этих ресурсов как средства верификации имеющихся типологий.

Несмотря на длительную историю изучения вида как центральной морфологической категории глагола, приходится констатировать отсутствие единства в трактовке целого ряда проблем, к важнейшим из которых относится определение инвариантного значения СВ и НСВ, выявление репертуара частных видовых значений (далее ЧВЗ) и их детальная характеристика, установление специфики функционирования видовых форм в художественном тексте и т.д.

В реферируемой работе категория вида понимается в соответствии с традицией интерпретировать аспектуальные категории как такие, которые определяют ситуацию с точки зрения особенностей ее разворачивания во времени, ее внутренней динамики, как «внутреннее время глагола» (В.А. Плунгян, К.С. Аксаков, Ю.С. Маслов, М.Я. Гловинская и т.п.)

Частные видовые значения, как пишет А.В. Бондарко, представляют собой конкретную реализацию видового семантического потенциала.

Как показывает анализ различных подходов к выявлению и определению частных видовых значений (см. работы Н.С. Авиловой, А.В. Бондарко, Ю.С. Маслова, Е.В. Падучевой, Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелева, М.А. Шелякина), имеющиеся в лингвистической литературе классификации существенно отличаются не только по набору таких значений, но и по их содержательной интерпретации. Абсолютное совпадение точек зрения обнаруживается очень редко – при том, что во многих случаях наблюдается абсолютное расхождение. Ситуацию осложняет также тот факт, что однотипные употребления зачастую получают различную терминологическую квалификацию, и, наоборот, один и тот же термин у разных авторов наполняется разным содержанием. Более того, в силу разнообразия факторов и множественности оснований для выделения частных видовых значений, границы между ними зыбки, а их состав и количество неопределенны. Иерархические отношения между значениями в разных источниках также определяются по-разному.

Чтобы упорядочить разнообразие подходов и ликвидировать различие в количественной и качественной интерпретации частных видовых значений русского глагола, в работе предлагается описывать значения видовых форм через наборы аспектуальных семантических признаков. Выявлена внутренняя структура частных видовых значений. Суть этого направления заключается в экспликации важнейших компонентов видовой глагольной семантики, таких как '+целостность', '+конкретность', '+наличная результативность', '+процессность', '+повторяемость', '+локализованность действия во времени', '+длительность'.

Такой подход можно с известной степенью условности назвать ономаσιологическим, поскольку он выстраивает описание от смысла к форме (правда, в данном случае мы имеем в виду не собственно языковую, но метаязыковую форму, двигаясь от структуры видового значения к его терминологическому обозначению). Ономаσιологическое описание видовой глагольной семантики показывает, что в основе по-разному названных в русской аспектологической литературе значений лежит один и тот же набор семантических компонентов, и тем самым позволяет решить ряд спорных вопросов в изучении частных видовых значений, снимая разнообразие точек зрения и множественность интерпретаций.

Развиваемый в работе принцип ономаσιологического анализа позволяет также уточнить представления о сущности видо-временных форм, которые трактуются в современной литературе неединообразно (см. работы А. В. Бондарк, Е. В. Петрухиной, Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелева, М. А. Шелякина). Как показывает анализ, разные комбинации видовых и временных форм не дают каждый раз новое значение. Значения настоящего актуального, прошедшего несовершенного конкретного единичного действия, будущее несовершенного конкретного единичного действия характеризует одно и то же сочетание семантических компонентов. Различие заключается лишь во временной отнесенности описываемого действия. Выделенные частные значения следует считать чисто видовыми, а не видо-временными. Это решение согласуется с положением, согласно которому видо-временными значениями принято называть те, в которых семантика вида не отделена от темпоральной семантики.

Вторая глава **«Вид в нарративе: функционирование глагольных форм в гоголевской поэме «Мертвые души»»** посвящена наблюдениям над функционально-семантическими особенностями грамматической категории вида в художественном произведении.

Как известно, употребление видовых и видо-временных форм в художественном тексте подчиняется определенным принципам. Это связано с тем, что художественный текст есть результат отчуждения высказывания от субъекта речи и, следовательно, интерпретируется в условиях неполноценной коммуникативной ситуации: читатель имеет дело только с текстом, а не непосредственно с его автором; в свою очередь автор лишен синхронного адресата. Отсюда следует трансформация правил интерпретации категории времени и формирование феномена художественного времени.

Целый ряд современных исследований показал, что базовым временным планом в нарративе является прошедшее время, которое утрачивает свою дейктичность, поскольку момент речи не участвует в интерпретации высказывания. В ряде случаев структура текста характеризуется временной двуплановостью: настоящее / прошедшее время. Настоящее время «дает свободу выбора интерпретации – точкой отсчета может быть момент речи (время говорящего) и текстовое время, а последнее может интерпретироваться и как время повествователя, и как время персонажа» (Е. В. Падучева).

Специфика художественного времени обуславливает ряд особенностей функционирования видовых и видо-временных форм. Выявление этих особенностей в тексте поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» осуществлялось с учетом особой композиционной структуры произведения, в котором наличествуют авторская оценка, лирические отступления, описательные элементы, вставные эпизоды, нарушающие «эпический» ход повествования. Вслед за В. В. Виноградовым такие внутренне «однородные формы словесной композиции ..., структурные формы речи, которые наблюдаются в организации литературных произведений», в тексте диссертации обозначаются термином «композиционно-речевая форма».

В связи с вышесказанным первая часть анализа ориентирована на описание семантики глагольных форм, функционирующих в первой главе поэмы (первый параграф); во второй части предпринимается попытка выявить наличие / отсутствие тенденций, определяющих особенности функционирования глагольных форм с теми или иными аспектуальными характеристиками в различных коммуникативно-речевых типах повествования (второй параграф).

На первом этапе анализа из первой главы «Мертвых душ» методом сплошной выборки были извлечены все личные глагольные формы, количество которых составляет 299 единиц. Среди них формы НСВ составляют 44,8% (134 единицы), формы СВ – 44,1% (132 единицы), видо-временные формы – 11,1% (33 единицы).

Все 134 глагольные формы НСВ были распределены в четыре группы с учетом того набора аспектуальных признаков, который их характеризует.

Глаголы первой группы объединяют семантические параметры ‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’ (57 употребления, 42,5%). Такие глаголы называют конкретное действие в его развитии, которое может быть представлено относительно разных точек отчета – либо момента речи, либо текущего момента текстового времени, ср.: *И потом еще долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников.*

Глагольные формы в таких контекстах реализуют подчеркнуто-длительное значение; таким образом, к исходному семантическому комплексу добавляется признак ‘+ длительность’.

Вторую группу составляют глаголы НСВ, выражающие значение неограниченной повторяемости действия (50 единиц – 37,31%). Ядро значения глаголов, входящих в данную группу, составляют признаки ‘– локализованность

действия во времени' и '+ повторяемость'. На неограниченную повторяемость действия во многих случаях прямо указывают обстоятельства, дающие темпоральную характеристику: *Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: «А! была не была, не с чего, так с бубен!».*

В третью группу входят глаголы НСВ, с помощью которых «сообщается о действии (обычно отношении и состоянии, но иногда и о действии, связанном с определенным изменением, развитием), имеющем неограниченную временную протяженность» (см. Русская грамматика). В таких случаях признак '± локализованность действия во времени' соотносится с признаком '± длительность' (25 употреблений – 18,65%), ср.: ... *город никак не уступал другим губернским городам: сильно была в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных.*

Четвертая группа представлена двумя употреблениями (1,4%), в составе которых факт, обозначенный глагольным предикатом, констатируется или отрицается в общей форме, «сам по себе», «без учета того, имел ли он место один раз или повторялся, без учета его индивидуального «местоположения на линии времени» и других обстоятельств его конкретного осуществления» (Ю. С. Маслов). Ср. *Я никогда не носил таких косынок.* В семантике выделенных глаголов содержатся признаки '– процессность', '– локализованность действия во времени', '– конкретность'

Исчерпывающий анализ всех случаев употребления личных форм глаголов НСВ, извлеченных из первой главы поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» показал, что они обозначают конкретные, повторяемые, постоянные ситуации; употребление НСВ в значении обобщенного факта не является частотным.

Использование форм глаголов СВ отличается бóльшим единообразием. В рассмотренном фрагменте текста максимальной частотностью характеризуются формы СВ, с помощью которых констатируется наличие концентрированного, целостного факта, локализованного на оси времени и ограниченного пределом (101 из 132 – 76,51%). Эти глаголы выступают в аористическом значении, то есть реализуют набор признаков '+ целостность', '+ локализованность действия во времени', '+ конкретность'. Ср.: *В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки.* Выполняя аористическую функцию, СВ двигает текстовый сюжет вперед.

В остальных случаях (31 употребление) личные формы СВ использованы в таких контекстах, которые содержат показатели, переводящие видовую семантику в плоскость вторичных частных значений, являющихся разновидностями конкретно-фактического. В пятнадцати случаях (11,36%) глаголы СВ реализуют перфектное значение; в шести (4,54%) – наглядно-примерное; в шести других (4,54%) – потенциальное; в одном случае (0,75%) – суммарное и в трех случаях (2,27%) – ограниченно-кратное значение.

Таким образом, в поэме «Мертвые души», как и в традиционном нарративе, наблюдается преимущественное употребление глаголов НСВ и СВ в форме прошедшего времени; формы настоящего и будущего в основном используются в

прямой речи персонажей, в описательных фрагментах, в авторских рассуждениях и воспоминаниях, в обращении автора к читателям.

Формы прошедшего СВ могут характеризоваться как двигатель текстового сюжета, а формы прошедшего НСВ – как остановка в поступательном движении текста, прорисовка фона. Иначе говоря, формы НСВ, представляя действие как разворачивающееся, обладают повествовательной конструктивной потенцией, а формы СВ – текстообразующей, так как они, «мыслятся динамически» (В. В. Виноградов) и двигают сюжет вперед.

Сплошной анализ глагольных форм, извлеченных из первой главы поэмы «Мертвые души», позволяет уточнить представления о своеобразии авторской манеры Н. В. Гоголя. В наиболее явном виде она обнаруживается в тех фрагментах, где представлена конкуренция СВ и НСВ, а также в тех, где самые разные языковые средства, в кругу которых особое место занимают видо-временные формы, работают на выражение идеи генерализации.

В первой главе поэмы «Мертвые души» выявлены 34 случая использования **видо-временных форм**. Они функционируют при описании ситуаций пространственного, временного и субъектного обобщения (7, 5 и 22 контекста соответственно). Эффект генерализации возникает, как правило, благодаря взаимодействию лексических и грамматических средств.

Рассмотрим один показательный пример: *После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую **в русских практиках** вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник.*

Ситуация представлена в двух планах одновременно: с одной стороны, автор описывает конкретные действия конкретного персонажа в конкретном месте; с другой – переключает повествование в режим характеристики русского быта в целом. Этот эффект достигается в первую очередь сложной игрой грамматических форм: существительное *подушка* имеет в тексте конкретный референт – это тот предмет, который подкладывает себе под спину персонаж; местоимение *которую*, употребленное в форме единственного числа, должно как будто отсылать к этому самому референту – однако на самом деле оно отсылает ко всем предметам такого рода; видо-временная форма *набивают* представляет обозначаемое действие как постоянное, типичное, нелокализованное во времени. Таким образом, одна и та же *подушка* принадлежит и миру Чичикова, и миру русских трактиров вообще.

Во втором параграфе третьей главы предметом исследования являются разнородные сюжетные и внесюжетные элементы поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: лирические отступления, вставные эпизоды, диалоги, описание персонажей. Задача функционально-семантического анализа видовых форм состоит в том, чтобы выявить наличие или отсутствие зависимости между типом текста и характером реализуемых в нем видовых значений. В результате сплошной выборки получено 1375 личных форм глагола, которые рассматриваются в соответствующих разделах главы.

Важными сюжетными элементами композиции поэмы являются **диалоги**. Наиболее интересными для анализа представляются беседы Чичикова с помещиками в сценах купли-продажи, а также разговор дамы приятной во всех отношениях с просто приятной дамой. В этих фрагментах зафиксировано 566 личных глагольных форм.

В художественном диалоге так же, как в диалоге реальном, имеет место полноценная коммуникативная ситуация, в которой представлены и говорящий, и слушающий, меняющиеся в процессе коммуникации местами. В таких случаях момент речи определяется как настоящий момент говорящего (= персонажа), который совпадает с настоящим моментом слушающего. Это определяет особенности функционирования видовых форм и задает стратегию их интерпретации.

Представляется закономерным, что в 308 контекстах из 566 рассмотренных зафиксированы глагольные формы настоящего несовершенного. Из них в большинстве случаев (261) глаголы обозначают процесс, синхронный моменту речи: *«Мне кажется, вы затрудняетесь?»*, *«С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь!»*. Для реализации такого значения достаточен минимальный контекст без всяких показателей актуальности действия для момента речи. В инвариантном значении НСВ нет указания на предел, поэтому в подобных контекстах глагол может восприниматься только как название действия, протекающего синхронно с моментом речи.

В остальных 258 формах НСВ и СВ различаются значения аориста, имперфекта, значения будущего единичного действия и будущего обобщенного факта, причем аористическое значение – завершенность конкретного действия до момента речи – актуализуется у СВ в 189 случаях. Ср.: – *Скажите! и много выморила? – Да, снесли многих*.

Немаловажную роль в поэме «Мертвые души» играет **описание персонажей**. Фрагменты, в которых содержится портретная и психологическая характеристика главных героев, включают 166 личных глагольных форм.

В 36,7% случаев (61 форма) глаголы используются в обобщенном, атемпоральном значении, значении повторяющегося действия и значении постоянства свойства, состояния. Эти значения могут быть реализованы либо глагольной формой НСВ настоящего и прошедшего времени, либо формой 2-ого лица СВ:

Таких людей приходилось всякому встречать немало, но всегда почти так случается, что подружившийся поддерется с ними того же вечера на дружеской пирушке

Отбор глагольных форм отражает такую специфическую особенность описательных контекстов, как установка на типизацию. Она проявляется также в частотном использовании выражений типа *есть род людей, есть люди, одна из тех, все те*; введении явных и скрытых сравнений (см. употребительность единиц *такой же (как), так (как)*); употреблении форм 2-го лица в обобщенно-личном значении; лексических показателей повторяемости глагольного действия (*всегда, никогда*).

В остальных 105 контекстах глагольные формы выполняют функцию либо двигателя текстового сюжета (формы СВ), либо прорисовки фона (формы НСВ), реализуя следующие аористическое значение СВ (*Минуту спустя вошла хозяйка женщины пожилых лет* – 29 случаев); имперфектное значение НСВ в единичной длящейся ситуации (*Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую* – 48 случаев); имперфектное значение НСВ в неограниченно-повторяющейся ситуации (*Он даже никогда не ездил на поля* – 28 случаев).

Особую композиционно-речевую форму в поэме «Мертвые души» представляют **лирические отступления**. Хотя эта форма принадлежит нарративу, для нее характерен речевой режим употребления глагольных форм. Субъектом речи в таких случаях является автор-повествователь, который находится внутри потока собственного текущего времени. Это время определяется только событиями, происходящими с ним, повествователем, и не касается персонажа. Сказанное обуславливает специфичность употребления видовых и видо-временных форм.

Отобранные для непосредственного анализа лирические отступления содержат 385 глагольных форм. Базовое время в лирических отступлениях – настоящее: оно характеризует 233 из 385 зафиксированных глагольных форм (64%).

В большом количестве контекстов употребление словоформ настоящего НСВ выполняет функцию обобщения и генерализации, ср.: *Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат большие по особым поручениям или только числятся и виляют туда и сюда.*

В остальных 152 контекстах представлены следующие случаи использования глагольных форм:

– употребление форм прошедшего СВ в аористическом значении для описания минувшего, завершившегося действия: *И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством;*

– употребление форм прошедшего НСВ в аористическом значении для указания на факты, имеющие место в прошлом (конкретные аспектуальные характеристики в таких случаях отсутствуют): *Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большей свободой, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился;*

– употребление форм прошедшего НСВ в имперфектном значении в тех местах, в которых намеренное отступление от сюжета повествования принимает форму воспоминаний: *Прежде, давно, в лета моей юности ... мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту ... любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд.*

– употребление форм будущего СВ для называния предстоящего действия («*Она теперь как дитя, все в ней просто, она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться*») или для наглядного изображения типичного, повторяющегося действия через приведение конкретного примера: «*Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем*

же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым».

К **вставным эпизодам** в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» относится повесть о капитане Копейкине и притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче. В названных фрагментах содержится 258 глагольных форм.

Вставные эпизоды, являясь особым композиционным элементом, не обладают какими-то специфическими повествовательными чертами. В рассмотренных вставных эпизодах чередуются диалогический, описательный и повествовательный элементы, внутри каждого из которых глагольный вид имеет специфические функции.

В текстах вставных эпизодов, пользуясь приемом чужой речи, Н. В. Гоголь расцвечивает повествовательную ткань экспрессивными красками речи персонажей. В диалогических отрывках глагольная словоформа настоящего времени способствует реализации настоящего актуального значения, глаголы прошедшего и будущего времени обозначают действие до и после момента речи. В рассмотренных эпизодах очень часто происходит переключение с прошедшего на настоящее нарративное. Видо-временная форма настоящего НСВ, реализующая значение «настоящее историческое», с одной стороны, оживляет повествование, а с другой, играет роль в структурировании текста. При этом она может описывать одновременные процессы или последовательные события.

Анализ показал, что в различных *описательных фрагментах* наблюдается существенное преобладание видо-временных форм в значении настоящего атемпорального над другими формами, выражающими то же значение. Для *лирических отступлений* характерно функционирование форм настоящего НСВ в значении настоящего изобразительного. Полноценная коммуникативная ситуация, конструируемая автором в *диалогических фрагментах*, определяет характер употребления видовых и видо-временных форм: они функционируют так же, как в реальном диалоге. Функционирование глагольных форм во *вставных эпизодах* не обладает специфическими особенностями, поскольку такие эпизоды по своей структуре не отличаются от основного нарратива.

В третьей главе «**Передача семантики русского вида во вьетнамском языке**» предпринимается анализ способов отражения семантики русского вида в художественном переводе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на вьетнамский язык, позволяющий выявить специфику реализации частных видовых значений в контексте.

Поскольку частные видовые значения является контекстуально обусловленными, для их выявления нужно опираться на лексические элементы, которые конкретно отражают тот или иной семантический компонент видового значения. Так, признак ‘+ целостность’ репрезентируется с помощью временных обстоятельств вчера, один раз, вдруг и т.п. Перфектное значение СВ, для которого характерен семантический признак ‘+ наличная результативность’, легко быть обнаружено при наличии таких слов, как *сейчас, теперь*. Эксплицитному выражению семантического компонента ‘+ процессность’ способствуют слова типа *три дня, недели, месяц, год, долго* и т.п. Наличие факта действия в прошлом может

констатироваться с помощью таких слов, как *в старину, когда-то, однажды*. Повторяемость действия передана наречиями часто, редко, или обстоятельствами времени *каждый день, каждый раз*. Предполагается, что аналогичные контекстуальные элементы присутствуют и в других языках, включая вьетнамский. Это позволяет адекватно передавать семантические особенности русской категории вида в языках с другой типологической структурой. Нас интересует вопрос, есть ли в языке перевода специализированные видовые показатели, которые, помимо контекста, указывают на конкретные значения вида.

Сложность передачи семантических нюансов в переводе усугубляется тем фактом, что в языке-источнике важна грамматическая категория глагольного вида, а в языке-реципиенте эта категория присутствует неявно. Во вьетнамской лингвистической литературе большинство специалистов отрицают существование грамматических категорий в целом, включая категорию вида. Тем не менее, специфика вида и способы его выражения во вьетнамском языке продолжают вызывать большой интерес как у отечественных, так и у зарубежных исследователей, в том числе у русских. Согласно исследователям, во вьетнамском языке активно используются специализированные показатели, которые позволяют многогранно отражать видовую семантику. Использование этих показателей, как предполагается, подчиняется определенным закономерностям.

Среди частных значений СВ, выраженных глагольными формами в первой главе «Мертвых душ», главным является *конкретно-фактическое* (435 из 562 глагольных форм СВ реализуют данное значение). Анализ показал, что для реализации данного значения требуется лишь минимальный контекст. В большинстве случаев в переводе глаголов, употребляемых в конкретно-фактическом значении, не обнаружена контекстуальная поддержка. Это связано с тем, что совершенные глаголы описывают единичные, завершенные события или ситуации в определенный момент в прошлом. В художественных текстах, где прошлые события представлены как последовательность действий, преобладают совершенные глаголы. Поэтому вьетнамские читатели, не имеющие контекстуальных подсказок, могут воспринимать эти действия как единичные завершенные события с конкретным результатом.

Единичными представляются случаи, когда окружают глагол СВ слова, указывающие на определенный временной отрезок в прошлом, в который случилось действие. В переводе на вьетнамский язык этих примеров используются аналогичные лексические показатели, при наличии которых конкретно-фактическое значение становится более ясным. Ср.:

Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал по столу, устремив глаза на сидевших насупротив его детей.

Tuy vậy, có một lần, chàng ta lấy vẻ mặt dữ tợn và gõ xuống bàn mấy tiếng mạnh và ngắn, mắt nhìn chằm chằm vào các cậu học trò ngồi trước mặt.

В таких примерах речь идет о том, что в определенной ситуации произошло или завершилось какое-то действие или событие.

Слово **bỗng**, переводящееся как ‘вдруг’, указывает на неожиданное изменение в событиях

*Manilov ... готовился таким образом препроводить его в гостиную, как **вдруг** гость объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.*

Manilôp ... muốn đưa sang phòng khách, nhưng bỗng Tsitsikôp nói với giọng quan trọng rằng muốn nói chuyện về một việc cần kíp.

В данном примере идея наступления действия, приводящего к изменению хода событий, передается с помощью слова **bỗng**. Действие «объявить» обозначает смену в развитии событий, которые предшествовали этому действию.

В некоторых примерах передача главного семантического признака данного значения – ‘+ целостность’ – осуществлена переводчиком «внутренним ресурсом» – с помощью вьетнамской частицы **đã**, стоящей перед глаголом-сказуемым. Ср.:

Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах...

*Khi **đã** vào sát khách sạn, cỗ xe đi qua mặt một người trẻ tuổi mặc quần Kanifax...*

Таким образом, передача конкретно-фактического значения во вьетнамском языке может осуществляться самыми различными способами: от использования единой глагольной формы в минимальном контексте до более сложных конструкций, включающих видо-временной показатель.

Многие исследователи отмечают, что **перфектное** значение в русском языке определяется контекстом. О.П. Рассудова подчеркивает, что особенность перфектного значения заключается в том, что «совершение действия относится к «ближайшему прошлому», т.е. к прошлому, непосредственно предшествующему моменту речи, к прошлому, которое как бы сливается с настоящим». Это значение особенно явно проявляется в контекстах, где форма прошедшего совершенного времени сопровождается элементами, указывающими на связь прошлого с настоящим. Эти контекстуальные средства передачи перфектного значения полностью сохраняются в переводе на вьетнамский язык.

Частицы **vừa, mới, vừa mới** ‘недавно’, ‘только что’, ‘тотчас’ указывают на то, что действие произошло совсем недавно, с минимальным интервалом до момента речи. Ср.:

*Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, **только что** сделавшими на воздухе антраша.*

*... hai người đang ngắm địch, tay đưa nhẹ nhàng ra đằng sau, còn chân thì dặt ra như **vừa** nhảy xong bước Antrasat trong không khí.*

Слово **xong** в данном примере ярко выражает идею наличной результативности.

Передача перфектного значения на вьетнамском языке осуществляется не только через контекст, но и с помощью видовых показателей, которые выражают такие семантические признаки, как ‘+ целостность’ и ‘+ наличная результативность’. Проанализируем эти показатели.

Видо-временной показатель *đã* подчеркивает, что завершённое действие занимает конкретное место на временной оси, относящееся к прошлому. В следующем примере слово *đã* используется вместе с обстоятельством времени *nay* ‘нынче’, которое явно показывает, что результат действия актуален в момент речи.

*Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые **теперь** уже заменены лаконической надписью: «Путейный дом».*

*Khắp nơi nhan nhản những con đại bàng hai đầu đen sì, những vật tiêu biểu của quốc gia, **nay đã** được thay bằng mấy chữ vẫn tắt: “Tu rợu”.*

Такое сочетание делает значение *двоякой временной отнесенности* более ясным: действие относится к прошлому, а его результат – к настоящему.

Интересно наблюдать, что для выражения наличного результата используется слово *đang*, которое обозначает настоящее несовершенное время. В таких случаях *đang* подчеркивает перфектность, указывая на то, что результат действия виден говорящему. Например:

Бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебрались.

*Hai người trông như **đang** cãi nhau, sỉ mạ nhau.*

Для передачи перфектного значения русского глагола во вьетнамском языке часто используются видовые показатели-послеслоги. Вот некоторые из наиболее распространенных из них.

В своей работе «Глагол во вьетнамском языке» вьетнамский исследователь Нгуен Ким Тхан обращает особое внимание на слово *xong*. Автор подчеркивает, что *xong* используется только с глаголами действия, такими как *đọc xong* (‘закончить читать’) или *xem xong* (‘закончить смотреть’). Ср.:

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно...

*Ăn **xong**, Manilốp, hài lòng đến tột độ...*

Таким образом, можно констатировать, что перфектное значение русского глагола во вьетнамском языке передается довольно ярко. Это достигается за счет использования зависимых элементов, которые окружают главный глагол и уточняют его лексическое и грамматическое значение.

Обычно семантический признак ‘+ целостность’ мешает глаголу СВ использоваться для описания повторяющихся действий. О.П. Рассудова отмечает, что употребление СВ для обозначения реально повторяющихся действий ограничено определёнными типами контекста. Такие контексты включают зависимые элементы, которые указывают на ограниченное повторение, например: *несколько раз, два раза, дважды*. В таких случаях глагол СВ обычно выражает суммарное значение.

Как в русском, так и во вьетнамском языке для проявления суммарного значения необходимо наличие лексических показателей, обозначающих ограниченное количество актов действия. Ср.:

*После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно долго тер мылом обе щеки, ... фыркнув прежде **раза два** в самое лицо трактирного слуги.*

*Sau một giấc ngủ trưa, y dậy, bảo lấy nước, rửa ráy, kỳ cọ đôi má rất lâu, ... hôm phì vào chính giữa mặt anh ta **hai lần**.*

Анна А. Зализняк установила, что «реализация **потенциального** значения обычно требует контекстной поддержки – т.е. дополнительного указания на обобщенный характер описываемого действия». Более глубокий анализ контекстной поддержки показывает, что модальность в использовании глаголов СВ времени проявляется через их сочетание с особыми модальными показателями. Например:

*Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прошу», — шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому вряд ли где **можно** найти отвечающую ногу.*

*Đến lượt Xôbakiêvits thì hẳn bảo y với một giọng hơi cộc lốc: “- Cũng xin mời đến chơi tôi nữa!”, vừa nói vừa giậm gót ủng xuống sàn; đôi ủng to tướng mà có lẽ ngoài hẳn ra, không ai có thể xỏ chân vừa **được**.*

Потенциальное значение СВ, которое продемонстрировано глаголом найти в нижеприведенном контексте, выделяется по дополнительному модальному признаку: значение конкретного целостного факта, реализуемое глаголом СВ, осложняется оттенком возможности или невозможности осуществления действия. К набору ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’ добавляется оттенок возможности выполнения действия.

Во вьетнамском переводе для передачи значения модальности употребляется эквивалентное русскому слову «можно» модальное слово **được**.

В семантическом содержании **конкретно-процессного** значения НСВ присутствуют признаки «+ процессность», «+ локализованность действия во времени» и «+ конкретность». Поэтому конкретно-процессное значение ярко выражается в предложениях, содержащих специальные показатели длительности. К ним относятся существительные, обозначающие промежутки времени: **день, ночь, неделя, месяц, год**; сочетания этих существительных с числительными: **два дня**; а также сочетания существительных со словами типа **весь, целый**. Ср.:

Одни тоненькие, которые всё увивались около дам.

Hạng gày thì suốt buổi theo tán tình phái đệp.

Во вьетнамском языке активно используются уточняющие элементы, которые располагаются непосредственно после обстоятельства длительности действия. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся из этих элементов.

Помимо указанных обстоятельств, часто используются и такие, которые дают лишь приблизительное представление о длительности. К этим обстоятельствам относятся слова **lâu, một hồi lâu, một lúc, mãi hồi lâu**, переводящиеся в русском языке как «долго».

*И потом еще **долго** сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит.*

*Sau đó, ngồi trong xe, y còn ngĩ **mãi hồi lâu** xem còn ai có thể đến thăm nữa không.*

Во вьетнамском языке глагол-сказуемое, выражая конкретно-процессное значение, сопровождается словами **cứ, vẫn, còn**, которые указывают на продолжение действия. Рассмотрим наиболее типичные случаи их использования.

Уточняющее слово *cứ* («все ещё») обозначает продолжающийся характер действия, тогда как слово *vẫn* («по-прежнему») указывает на непрерывное действие или сохранение прежнего состояния. В следующем примере речь идёт о продолжении начавшегося в прошлом действия. Ср.:

Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, ..., горланит очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки.

Để cho bức tranh phong cảnh được đầy đủ, còn có một con gà trống gáy báo hiệu thời tiết thay đổi; ..., nó vẫn gáy oang oang và lại còn vỗ cả đôi cánh tả tơi như chiếu rách nữa.

Ву Тхе Тхач акцентирует внимание на случаях, когда вместо повтора глагольной формы в переводе используется слово *mãi*, которое выражает значение интенсивного продолжения.

Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

Chúng tôi vẫn ra phố từng đợt ngắn để giao du với những người lịch sự. Cứ sống mãi giữa bốn bức tường rồi ra thành ngu độn.

В этом случае глагол сопровождают два уточняющих элемента значения процессности – *cứ* и *mãi*, что усиливает оттенок продолжения начатого действия.

Значение текущего процесса может быть передано во вьетнамском языке с помощью добавления к глаголу слова *đang*. Ср.:

- Прощайте, миленькие малютки! — сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа.

- Tạm biệt, các bạn nhỏ! Tsitsikôp nói khi trông thấy Ankit và Thêmixtôklux đang chơi với một người lính khinh kỵ bằng gỗ, đã sút mũi và gãy tay.

Таким образом, наряду с лексическим значением глагола, временными обстоятельствами и наречиями слова *cứ*, *vẫn*, *còn*, *đang*, *mãi* употребляются для выражения значения процессности русского глагола во вьетнамском языке.

Глагол НСВ выражает *общефактическое* значение, констатируя лишь факт действия в прошлом. В анализируемом материале используются для реализации этого значения сочетания предикатов с обстоятельствами вроде *однажды*, *когда-то*, *в старину* и другими указателями на неопределенность времени. Е.В. Падучева отмечает, что для глагола в общефактическом значении подходит только показатель объёмлющего времени, который охватывает широкий временной интервал и сохраняет неопределенность времени завершения. В вьетнамском языке такие обстоятельства, указывающие на то, что действие произошло до момента речи, передаются полностью. Ср.:

Оба приятеля, ..., остались недвижимы, вперя друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала.

Đôi bạn .. đều im như phỗng, mắt nhìn mắt, như hai bức chân dung mà ngày trước người ta treo đối xứng nhau hai bên tấm gương trên lò sưởi.

Общефактическое значение русского НСВ хорошо передается во вьетнамском языке с помощью слов *có, đã từng, từng, được*, которые указывают на то, что действие действительно имело место. В своей работе «Глагол во вьетнамском языке» Нгуен Ким Тхан подробно описывает использование этих слов.

Согласно его наблюдениям, во вьетнамском языке часто для обозначения действия в прошлом используется показатель *có*, который стоит перед глаголом и указывает на факт наличия действия. *O чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его.*

Dù có luận đàm vấn đề gì, y cũng biết làm cho câu chuyện hào hứng.

Слово *từng* может использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с временным показателем *đã*, чтобы указать на действие, произошедшее в прошлом и отделённое от момента речи значительным промежутком времени. Ср.:

Право, не знаю, – произнесла хозяйка с расстановкой. – Ведь я мертвых никогда еще не продавала.

Nói thật, ông ạ, tôi chưa từng bán người chết bao giờ.

А.В. Бондарко отмечает, что *неограниченно-кратное* значение проявляется в самых широких, обычных и регулярно повторяющихся контекстах. Петрухина также указывает, что это значение реализуется, когда глагольная форма НСВ описывает открытый ряд повторений однотипных действий. На основе наших наблюдений можно выделить в рассмотренном материале специализированные контекстуальные средства, которые помогают выразить семантические признаки «– локализованность действия во времени» и «+ повторяемость».

К ним относятся языковые единицы, содержащие указание на повторяемость. К ним относятся наречия времени, такие как: *thường xuyên, luôn luôn* ('постоянно'), *lúc nào cũng, mãi* ('всегда'), *thường* ('часто'), *đôi khi, có đôi lúc* ('иногда'), *ít, hiếm khi, hạp hỏn* ('редко'), *liên tiếp / cứ chốc chốc* ('поминутно). Например:

Он всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег.

Ngăn ấy y lúc nào cũng mở ra và đóng lại nhanh như chớp, đến nỗi không ai tài nào mà biết được nó chứa đúng là bao nhiêu tiền.

Помимо упомянутых наречий, часто используются обстоятельства, обозначающие цикличность, такие как *mỗi lần* ('каждый раз, всякий раз'), *hàng năm* ('каждый год, ежегодно').

Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по лицу его, видно, были очень приятны, ибо ежеминутно оставляли после себя следы довольной усмешки.

Kế hoạch tính toán, mưu mẹo phản ánh trên mặt y, đều phải là khá dễ chịu; điều ấy có thể đoán thấy ở nụ cười mà chúng luôn luôn nở trên môi y.

В переводных вариантах, когда выражается неограниченно-кратное значение НСВ, часто используются уточняющие элементы *mãi, cũng, lại, vẫn, cứ, mới*, которые переводятся как «еще» или «все еще». Нгуен Ким Тхан и Нгуен Тай Кан считают эти слова служебными элементами, уточняющими лексическое и грамматическое значение глагола.

На наш взгляд, эти слова не являются самостоятельными указателями на неограниченно-кратное значение, а скорее усилителями лексического значения временных обстоятельств. Это подтверждается тем, что они употребляются с глаголом НСВ в неограниченно-кратном значении только в присутствии временных детерминаторов.

Существует определенная закономерность в сочетании временных детерминантов с этими словами. Показатели регулярной повторяемости, такие как *luôn*, *mãi mãi* «постоянно», «всегда», *chốc chốc* «поминутно», *hàng ngày* «каждый день» и *hàng đêm* «каждую ночь», чаще всего используются в сочетании со словами *vẫn*, *cứ*, *mãi*, которые в этих случаях подчеркивают идею повторяемости. Например:

- *Вы всегда в деревне проводите время? – сделал наконец, в свою очередь, вопрос Чичиков.*

- *Các bác vẫn ở mãi nông thôn thế này à? Đến lượt Tsitsikôp hỏi.*

Обстоятельство времени *редко* сочетается только со словом *mới*, выступая в качестве контекстуального средства выражения неограниченного повторения действия.

Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей...

Cả đến Xôbakiêvits, thường hoạ hoản mới nói tốt cho ai, sau khi ở tỉnh về, đêm đã khuya, đặt mình nằm cạnh vợ gày đét, cũng nói...

Значение *постоянного отношения* опирается на обычность названного глаголом действия. Согласно нашему наблюдению, это значение чаще реализуется у глаголов типа *зависеть*, *принадлежать*, *находиться*, *иметь*. Помимо лексического значения самого глагола, окружающий контекст, указывающий на элемент генерализации и обобщения, также способствует экспликации постоянного отношения.

В переводе на вьетнамский язык переводчик выбирает различные способы отражения значения постоянного отношения. То ли он дословно передает конструкцию обобщения и генерализации, то ли он добавляет к глагольному предикату усилительное слово типа «*vẫn*», указывающее на постоянность состояния или действия. Ср.:

... не нашедши ничего, протер глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать все, что ни попадалось.

... *khách mới dụi mắt, gấp tờ giấy lại, đút vào túi con là nơi vẫn cất tất cả mọi thứ nhặt được.*

Идея обобщения в следующем примере, выраженная фразой *по обычаю людей своего звания*, дословно передается в переводе. Ср.:

... *Petruška ходил в несколько широком коричневом сюртуке с барского плеча и имел, по обычаю людей своего звания, крупный нос и губы.*

... *Pêtruska mặc một cái áo lễ dài, cũ của chủ, màu vỏ quế, hơi rộng và hẳn ta có đôi môi và cái mũi dày dặn như đa số những người cùng thân phận như hẳn.*

Анализ способов выражения частных значений несовершенного вида показал, что существует широкий набор лексических средств для передачи процессности, повторяемости, постоянного состояния и констатации факта действия в прошлом. Кроме того, переводчик применил множество специализированных частиц, усиливающих видовой значения несовершенного вида. Следует отметить, что наличие маркеров НСВ не является обязательным. Эти маркеры встречаются только в немногих случаях (97 из 427 единиц НСВ). Слабая степень обязательности этих видовых показателей объясняется доступностью во всех случаях контекстуальных средств, поддерживающих значения НСВ. Результаты анализа можно представить в следующей таблице.

Частные видовые значения	Средства выражения частных видовых значений в русском языке	Средства передачи видовых значений русского глагола во вьетнамском языке
Конкретно-фактическое значение СВ (‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’)	<i>(вчера/ один раз/ вдруг)</i> + маркированная форма глагола СВ	<i>(hôm qua/ một lần/ bỗng nhiên)</i> + <i>(đã/ sẽ)</i> + немаркированная форма глагола + <i>(được/ rồi/ xong)</i>
Перфектное значение СВ (‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’, ‘+ наличная результативность’)	<i>(сейчас/ теперь)</i> + маркированная форма глагола СВ	<i>(vừa/ mới/ vừa mới/ bây giờ)</i> + <i>(đã/ đang/ sẽ)</i> + немаркированная глагольная форма + <i>(được, rồi, hẳn, xong, lên)</i>
Суммарное значение СВ (‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’)	<i>(два раза/ несколько раз)</i> + маркированная форма глагола СВ	<i>hai lần/ hai lần liền/ tổng cộng hai lần/ tất cả là hai lần/ mấy lần/ mấy lần liền)</i> + немаркированная форма глагола
Потенциальное значение СВ (‘+ целостность’, ‘- локализованность’)	(модальное слово) + немаркированная форма СВ	<i>(sẽ)</i> + немаркированная форма глагола + <i>(được)</i>

действия во времени’, ‘+ повторяемость’		
Конкретно-процессное значение НСВ (‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’)	(<i>три дня/ недели/ месяца / года / долго</i>) + маркированная форма глагола НСВ	(<i>ba năm/ đã ba năm/ suốt ba năm/ ba năm dài/ròng/liền/trời</i>) + (<i>đã/ đang/ sẽ</i>) + (<i>cứ/ vẫn/ còn</i>) + немаркированная глагольная форма
Общефактическое значение НСВ (‘– процессность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘– конкретность’)	(<i>в старину/ когда-то/ однажды</i>) + маркированная глагольная форма НСВ	(<i>thời xưa/ có lần/ đã có lần/ một lần</i>) + (<i>đã/ đang/ sẽ</i>) + (<i>từng/ đã từng /có/ được/</i>) + немаркированная глагольная форма
Неограниченно-кратное значение НСВ (‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’)	(<i>часто/ редко/ каждый день/ каждый раз</i>) + маркированная глагольная форма НСВ	(<i>thường/ hiếm khi/ hàng ngày/ mỗi lần/</i>) + (<i>đã/ đang/ sẽ</i>) + (<i>mãi/ cứ/ vẫn/ cũng/ lại/ mới</i>) + немаркированная глагольная форма
Значение постоянного отношения НСВ (‘± локализованность действия во времени’, ‘± длительность’)	маркированная глагольная форма НСВ, обозначающая постоянность описываемой ситуации	(<i>vẫn</i>) + немаркированная глагольная форма

Таблица 3.1. Способы отображения видовых семантических компонентов русского глагола во вьетнамском языке

В заключении подведены итоги исследования.

Попытка составить как можно более полное представление о видовом пространстве русской языковой картины мира, предпринятая в настоящей работе, очередной раз демонстрирует и сложность категории вида, и неоднозначность имеющих трактовок, и непростое взаимодействие аспектуальных и темпоральных характеристик глагольного слова, и обусловленность видовых значений контекстом, и многое другое.

Систематизация имеющих в современной аспектологической литературе концепций частных видовых значений не только делает очевидным отсутствие единого взгляда на проблему, но подчеркивает необходимость разработки такого подхода, который обеспечивает удобство типологического описания.

Предлагаемый в настоящей работе ономаσιологический подход позволяет преодолеть терминологические и другие различия отдельных концепций и

представить частные видовые значения, которые определяются и толкуются по-разному, максимально прозрачно: от набора семантических компонентов к средствам его выражения в сопоставляемых языках. Этот принцип выявления и репрезентации семантики видовых форм оказывается продуктивным, поскольку дает возможность, с одной стороны, обеспечить точность и полноту сопоставительного анализа разных грамматических систем, с другой – оценить особенности функционирования видовых и видо-временных форм в художественном тексте.

Сплошной анализ глагольных форм, извлеченных из первой главы поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», позволяет оценить степень реализации полных парадигм частных видовых значений в живом, конкретном тексте и охарактеризовать художественный потенциал различных видовых форм. Можно констатировать, что автор, с одной стороны, следует общим принципам употребления таких форм в нарративе (используя конструктивный потенциал НСВ и динамические, текстообразующие потенции СВ), с другой – демонстрирует своеобразие в отборе и организации языковых средств.

Исследование функционирования глагольной лексики в составе различных коммуникативно-речевых структур дает возможность осознать, каким образом воля автора, его коммуникативное намерение и манера повествования влияют на реализацию частных значений видов. Установлено, что специфическая черта гоголевской повествовательной манеры – установка на обобщенность – ярче всего воплощается в описаниях и в лирических отступлениях. В таких фрагментах употребляются преимущественно формы НСВ и видо-временные формы, реализующие значение постоянного отношения и атемпоральное значение. Обеспечивая выражение идеи генерализации, такие формы (наряду с другими языковыми средствами) конструируют особый образ мира, в котором отдельное и зачастую незначительное бытовое событие может оказаться некоей универсальной константой русского бытия.

Анализ особенностей употребления форм СВ и НСВ сквозь призму их переводных аналогов демонстрирует, что для реализации частных видовых значений глаголов НСВ контекстное окружение играет большую роль, чем для значений СВ. Поэтому в оригинальном художественном тексте первые чаще используются в «сильных» контекстах, содержащих средства внешнего синтаксиса, которые выступают в роли актуализаторов аспектуальных характеристик глагольного действия; вторые – в «слабых» контекстах, не имеющих подобных элементов. Эта функциональная особенность играет существенную роль для выбора способа трансляции видовой семантики русского глагола во вьетнамский язык.

Для передачи аспектуальных значений русского глагола во вьетнамском языке используются, с одной стороны, межъязыковые соответствия, с другой – специфические лексические и грамматические маркеры, которые позволяют преодолеть различие между синтетизмом, характерным для русского языка, и аналитизмом, присущим вьетнамскому. В составе «сильных» контекстов ведущую роль в репрезентации частных видовых значений играют единицы окружения

(детерминантные, обстоятельственные и другие элементы «внешнего» синтаксиса). Специализированные показатели функционируют в таких контекстах в роли актуализаторов важнейших признаков видовых значений. В составе «слабых» контекстов эти же показатели являются главным выразителем аспектуальных характеристик.

Важно подчеркнуть, что видовые и видо-временные маркеры, используемые в «сильных» и «слабых» контекстах, могут формально совпадать, различаясь при этом своей функциональной направленностью: в первых они выполняют актуализирующую, акцентирующую роль, а во вторых являются главным средством репрезентации видового значения.

В ряде случаев вьетнамский язык не располагает необходимыми средствами для адекватной передачи видовой семантики русского глагола, в результате чего остаются невыраженными семантические, прагматические, дискурсивные смыслы, порождаемые игрой автора с глагольными формами. Такие содержательные утраты возникают при переводе контекстов, включающих глаголы НСВ в наглядно-примерном значении, видо-временные формы НСВ, обозначающие настоящее историческое, а также фрагментов, в которых представлена конкуренция видов.

Далеко не все вопросы, касающиеся специфики вида в русском и вьетнамском языках, и связанные с ними проблемы художественного перевода нашли разрешение в рамках данной работы. За ее пределами осталось исследование неполнозначных глаголов (быть, оказаться, являться), изучение семантики вида у глаголов различных лексико-семантических классов. Что касается перевода с русского художественного произведения, было бы хорошо, если бы был сделан сравнительный анализ разных переводных версий. Каждая из перечисленных задач может служить целью дальнейшего исследования.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

1. Bùi Thu Hà, Thời và thể của động từ tiếng Nga (Ý nghĩa và cách sử dụng), tác giả: A.V. Bondarko & Phạm trù thể của động từ tiếng Nga, Tác giả: M.A. Sheliakin// Tạp chí Nghiên cứu nước ngoài. Tập 40, Số 3, 2024. Tr. 182-188.

2. Ву Тхи Тьин, Буй Тху Ха. Анализ особенностей употребления видовых форм в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» сквозь призму их переводных аналогов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Изд. СВФУ, 2024. – № 21(3). – стр. 87-98.

3. Ву Тхи Тьин, Буй Тху Ха. Особенности передачи видовой семантики русского глагола в переводе на язык изолирующего строя // PHILOLOGY, 2024. – № 4 (52). – стр. 6-11.

4. Ву Тхи Тьин, Буй Тху Ха. Типология видовых значений русского глагола в свете вьетнамских переводов // Международный научно-исследовательский журнал, 2024. – № 7 (145). – стр. 134-136.

5. Буй Т. Функционирование видо-временных форм русского глагола в рекламных слоганах / Т. Буй, Т. Хуонг // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – №4 (154). – URL: <https://research-journal.org/archive/4-154-2025-april/10.60797/IRJ.2025.154.44> (дата обращения: 17.04.2025). – DOI: 10.60797/IRJ.2025.154.44

6. Bùi Thu Hà, Vũ Thị Chín. Ý nghĩa và hành chức của động từ thức mệnh lệnh trong khẩu hiệu quảng cáo tiếng Nga và phương thức biểu đạt sang tiếng Việt // Ngôn ngữ và đời sống. – Số 5 (367). – 2025. – tr. 143-153.

Статьи в сборниках материалов научных конференций

7. Буй Тху Ха. Взаимозаменяемость русских глагольных видов в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и специфика ее передачи во вьетнамском языке // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 120-летию А.И. Семенова, г. Якутск, 16 марта 2023 г. / [Сост. Б.А. Исакова]. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2023. С. 54 – 58. ISBN 978-5-7513-3545-8

8. Буй Тху Ха. Описание частных видовых значений русского глагола набором семантических признаков // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «XIX семеновские чтения», посвященной 55-летию ФИЯ-ИЗФир, г. Якутск, 16 марта 2024 г. / [Сост. Б.А. Исакова]. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2024. С. 188 – 191. ISBN 978-5-7513-3750-6

9. Буй Тху Ха. Функционирование русских глаголов несовершенного вида в рекламных слоганах// Сборник материалов Международной научно-исследовательской аспирантов, г. Ханой, 24-26 октября 2024 г. /. – Ханой: Издательский дом ХГУ, 2024. – Т 1. – С. 721 – 726. ISBN 978-604-443-1168-5

10. Bùi Thu Hà, Vũ Thị Chín, Nguyễn Hữu Chinh. Quảng cáo dược mỹ phẩm: đặc điểm hành chức của động từ // Kỷ yếu Hội thảo khoa học quốc gia «Giảng dạy ngoại ngữ trong hệ thống giáo dục quốc dân», Hà Nội, ngày 3/1/2025. – NXB Đại học Quốc gia Hà Nội.